

МОНОКОЛЕСО, КАПЕЛЬНИЦА И РОЗОВЫЕ БОКСЕРСКИЕ ПЕРЧАТКИ

КАК БЫВШИЕ ФУТБОЛЬНЫЕ ФАНАТЫ СТАЛИ ВОЕННЫМИ МЕДИКАМИ

ИЗ МОСКВЫ В СВЕТЛОЯР

В их медицинском отряде дуумвират — сразу два командира. За власть не борются — слишком много дел. Один работает на передовой, другой в пункте дислокации. Потом меняются.

Когда фанатский батальон «Москва» формировали, то медиков было взять неоткуда. И в медики пошёл «Баюн» — деревенский парень без медицинского образования, но толковый и любознательный. Он быстро научился оказывать первую помощь и стал выполнять обязанности командира санитарного отряда. Бойцы так себя и называли «Отряд Баюна» и даже сделали шеврон, где «Баюн» изображен с длинными хипстерскими усами (сейчас он их сбрил).

Потом появился «Док» — опытный фельдшер «скорой помощи», уже отслуживший контракт штурмовиком в «Ахмате». И командиром назначили его, а «Баюна» замом. В отряде немного поворачали, но два «капитана» сумели найти общий язык, дело-то на всех одно — спасение раненых.

Баюн

Почти все они бывшие спортсмены — боксёры, самбисты, мастера единоборств. В лесу рядом с блиндажом оборудована спортплощадка: штанга, гири, боксёрская груша.

Сначала их батальон относился к 106-й Тульской бригаде ВДВ. В прошлом году их передали 96-й Нижегородской разведывательной бригаде. Были они медики-десантники, а стали медики-разведчики. И называются теперь не «Москва», а «Светлояр», в честь озера рядом с Нижним Новгородом, где затонул мифический град Китеж. Только на флагах остался номер 106, ставший брендом за время работы батальона.

ЧУВСТВОВАЛ ВЕТЕРАНЫ ОТ ЛОПАСТЕЙ

Весь отряд из 12 человек помещается в одном блиндаже. Внутри длинный деревянный стол без стульев — «фуршетный». Расслаиваться некогда, да и места он занимает меньше. Двухъярусные койки сколочены из сосновых досок, так что в блиндаже пахнет лесом. Приватность обеспечивают флаги или пледы, сшитые из фанатских шарфов и закрывающие койку от чужих глаз. Захотел поспать — задернул занавеску.

У каждого над койкой своё небольшое хозяйство: самодельные полки с сувенирами, трофеями, иконками. В комнате стоит капельница — ну, понятно, живут медики. Прокапываются сами, профилактически, в случае усталости, легких ранений или контузий. Курить в их блиндаже, как в больнице, строго запрещено.

Баюн и Кумаев

В отряде примиряются все, даже футбольные фанаты разных команд. В их пункте дислокации висят флаги «Спартак», ЦСКА, «Динамо», «Локомотива» и других. Почти все медики здесь (как во всем батальоне) не просто любители футбола, а ультрас — члены хулиганских команд, когда-то в исступлении бившиеся с соперниками. Теперь вытаскивают друг друга из-под обстрелов, рискуя жизнью.

С «Доком» я был знаком раньше, но сейчас его нет на месте — уехал на передок. В ПВД за старшего Вадим, позывной «Баюн». Несколько парней отдыхают, пьют чай, едят пирожки, привезённые волонтерами.

— Весь 23-й год я не брал с собой автомат, — рассказывает «Баюн», откусывая от пирожка. — Он мешал раненых носить, мог стволом задеть случайно. Наверное, боженька увидел, что я без оружия хожу, защитил. А сейчас без автомата нельзя из-за «птиц».

«Баюн» имеет ввиду дроны, хотя был случай — подстрелил фазана. Сейчас на них не охотятся, не до этого, и птицы расплодились со страшной силой, бегают по дорогам. Бойцы фазана приготовили и съели. Были очень довольны.

Выбирая между ружьём и автоматом, против дронов «Баюн» предпочитает автомат. Тот бьёт дальше.

— Я беру с собой несколько магазинов. Знаю, какой я косой. Сбивал камикадзе, который прилетел меня убивать, два магазина потратил. Это мы ещё из 4 стволов по нему стреляли. Я уже чувствовал ветер от лопастей! — восклицает он.

— Так может дробовик надежнее? — спрашиваю его.

— Да уж, видел я на поле обгоревший труп и горстку гильз 12-го калибра. Человек не победил, дрон оказался быстрее, — скептически настроен «Баюн».

ЗА 3 ДНЯ ВЫНЕСЛИ 70 РАНЕНЫХ

Работа военного медика напоминает труд непальского носильщика-шерпа в горах. Всё время с собой что-то тащишь. Задышаешься, но тащишь.

Носить приходится автомат, магазины, броню, медицинский рюкзак, носилки. Всего 25 кило — это ещё налегке, потому что обратно несешь раненого.

Ходить нужно много, и с каждым годом всё больше. В последний выход прошли за раненым 20 км.

— У него нога была перебита. Мы его несли на носилках. А по нам два польских миномёта работало. Били очень близко — в 3-5 метрах снаряды ложились. Так что раненый начал кричать: «Поставьте, я сам пойду!» Но ничего, выбрались.

Во время украинского контрнаступления под Кременной в 2023-м году только за 3 июньских дня медики вынесли 70 раненых. Потом их отправили под Работино, и стало ещё тяжелее. Но парни справляются.

Теперь у них появилось моноколесо, можно не носить носилки, а возить. Есть такие позиции на передовой, где накатаны колеи не от техники, а от санитарных тележек.

— Я по ночам смотрю обучающее видео, — признаётся «Баюн». — Мы между собой его обсуждаем. Например, как быть в ситуации, если нельзя делать разрез по Волковскому? В боевых услови-

Док

ях приходится отходить от правил, действующих в больницах. Главное для нас — желание помочь товарищу. Видишь — пехотей лежит с ранением. Обязан помочь. Если он ранен не в голову, то колем обезболивающее — промедол, если в голову, то нефопам.

Автономный выход боевых медиков длится до 1,5-2 месяцев. Потом они возвращаются на отдых в ПВД, их место занимают другие.

Баюн на боевом выходе

ФАНАТСКАЯ РОЗА НА ПЕРЕДОВОЙ

«Баюну» 28 лет. Он из Каширского района Московской области. До СВО работал старшим администратором на продовольственном рынке. Когда пришёл в медвзвод, ему казалось, что зашить рану — нереально. Сейчас это ерунда, глаза боятся, а руки уже привыкли. Приходилось делать простые хирургические операции и даже сердечно-легочную реанимацию.

— СЛР — это когда у тебя мертвое тело на руках, и ты пытаешься его завести. Статистика обычно печальная. Но из трёх раз дважды мне удавалось человека вернуть к жизни. А в третий не смог, потому что раненого перекололи промедолом. Братики не меньше трех уколов ему поставили, чтобы боль облегчить. Больше двух категорически нельзя — верная смерть.

Несмотря на то, что медикам приходится видеть больше крови, чем остальным, парни сохраняют бодрость и весёлый настрой. Радуются футбольным сувенирам, которые присылают волонтеры. Часть таких сувениров передал парням я — коробку с «картохами», это вязаные мишки в костюмах цветов разных команд. Можно цеплять на рюкзак или повесить над койкой.

Лишь три человека во взводе не имеют отношения к фанатским кругам. «Баюн» болеет за московский «Спартак» и ещё луганскую «Зарю». Возможно потому, что его девушка из Луганска, и этот город стал для него близким. Спартаковскую «розу», ярко-красный фанатский шарфик надевает на выходы, но у самой передовой, где дроны могут увидеть, снимает.

«Док» — болельщик ЦСКА, бывший футбольный драчун. «Пин» пришел из спартаковского движения «G-7 Ultras». «Медведь» — тоже фанат «Спартак». «Хорс» с детства болеет за «коней», то есть за ЦСКА. «Дельфин» — за «Краснодар».

Кстати, «Дельфин» — самый боевой из всех. Брал Бахмут в составе ЧВК. А позывной получил, потому что с 13 лет работал в дельфинариях.

В свободное от боевых задач время парни боксируют на улице. У «Баюна» розовые боксерские перчатки, а на гражданке были розовые боксерские трусы. Это его любимый цвет. Специально такой — никто тебя всерьез не воспринимает, но когда выходишь на ринг, то всё становится понятно.

ШТУРМ РАСТЯНУЛСЯ НА МЕСЯЦ

Над входом в блиндаж висит карточка — весело глядят три молодых парня. Погибли в 23-м. Один из них — Андрюха «Китаец», близкий друг «Баюна». Ещё «Сокол» и кто-то третий, я не спросил.

— Наступление или отступление, медики и связисты выходят последними, — говорит «Баюн». И вспоминает историю, когда Андрюха ещё был жив. — Мы набились в дом, а по нам насыпали сильно. Парни начали поддаваться эмоциям, и кто-то предложил сыграть в игру: «Кто слово скажет, тот — не д'Артаньян». Сидим молчим. Тут прилетает снаряд в огород. И «Сокол», один из наших меди-

Тренировки в свободное время

ков, по стене сползает и говорит: «Нам конец». И иконы со стены падают.

Начали отходить, в доме нельзя было оставаться. «Док» уходил последним, потому что там ещё были раненые. Но уйти не успел. В крышу прилетел 155-й снаряд, дом сложился.

Когда «Док» не вернулся, решили, что он погиб. Стали искать. Потом пошли откапывать. А он оказался жив.

— Бог любит «Дока», — считает «Баюн». Ранение было серьезным. В теле осколки, разорваны барабанные перепонки, один глаз ослеп. Но «Док» подлечился, обманул медицинскую комиссию, собиравшуюся его комиссовать, и вернулся на передовую.

— Знаешь, как бы я хотел погибнуть? — вдруг спрашивает меня «Баюн». — Я видел как. Это было в 10 км от Купянска в Харьковской области. Четверо несли раненого на носилках. Все погибли на месте от прилёта. Я видел их сгоревшие тела. Что может быть честнее такой смерти?!

«Баюн» вспоминает, что пока были в составе ВДВ, приходилось часто бывать на штурмах. Однажды

Баюн и Тренер

штурм затянулся на 30 дней, и медики были рядом. Не было ни интернета, ни сотовой связи. «Баюн» передавал с парнями листок бумаги с просьбой позвонить его маме, передать, что он жив и всё хорошо. Но хорошо не было.

— Ели чуть ли не корни и шишки. Когда начался дождь, выбегали из блиндажа в трусах, чтобы помыться. Даже кофе заваривали на дождевой воде, — смеется он.

Вспоминаая недели, проведенные в лесополосе. «Баюн» считает, что аскеза воспитывает лучшие качества.

— Лучше быть без связи. Не было связи, никто не знал, где мы. Сейчас все тянут себе «старлинки», и противник видит, кто и где сидит.

Однажды пришлось вывозить тяжелораненого, осколок прилетел ему в голову. За такое ранение не каждый врач возьмётся, шансов почти нет. «Баюн» усадил его в кузов машины и всю дорогу обнимал, стараясь смягчить удары о кочки. Больше он для раненого ничего сделать не мог — ехал и молился. В больницу привез практически труп, но бойца всё равно приняли, подключили к системе, начали откачивать.

Что было дальше, «Баюн» не видел. А позже в Нижнем Новгороде, когда он проводил ревизию медицинских препаратов, в часть зашёл человек. Тот самый. Ему сделали трепанацию, списали из армии. У него дефекты речи. Но живой.

ОТВАГИ НЕ ПРОЯВЛЯЛ

Собственным ранением «Баюн» почти гордится. Это не какой-то случайный осколок от миномёта. Его обстрелял... вражеский вертолёт. Накрыв их сектор НУРСами — страшными реактивными снарядами. Один из НУРСов прилетел к ним в окоп, но не разорвался. Вероятность этого почти нулевая — это ведь не прокисшая на украинском складе артиллерийская болванка. Но оказывается, что бывает и так.

«Баюн» был ранен в руку, но до ночи вытаскивал других раненых. Сами они выйти не смогли бы. Ему вручили медаль «За отвагу», а его подчиненным «За спасение погибающих».

«За отвагу» выше по рангу, но «Баюн» даже растроился:

— Я её не хотел. И отваги не проявлял. Занимался спасением погибавших, — досадует он. За время службы он оказал помощь трем сотням бойцов, не обращая внимания на разрывы снарядов, на мины под ногами, усталость и сон.

Когда становится совсем темно, то парни выходят за 200-ми. Такие не нуждаются в помощи, но нести их тяжелее, потому что бойцы каменеют в той позе, в которой погибли.

— Лучшее время для выхода — раннее утро, пока туман и «птицы» не видят. Держим интервал, не кучкуемся, не приближаемся к тому, кто несёт бензин для генератора. Мало ли будет прилёт? Если я несу и вижу дрон, то кидаю канистру подальше от себя. Когда идти безопасно, то вставляю наушники и иду под музыку. И когда опасно тоже — так легче. Один из моих товарищей любит песню «It's my life». Идёт и орёт: «Олимпийский, я не вижу ваших рук!». А вокруг взрывы. Он так со стрессом справляется. Ну, а я молюсь: «Господи, если что случится, пусть мать переживёт, постарается справиться. А девушка пусть найдёт себе кого-нибудь!».

Кровь и смерть военные медики видят почти каждый день, но «Баюн» не жалеет о своём выборе.

— Если бы я знал, что здесь происходит, я бы приехал раньше, — говорит он. — Как только начал людям помогать, моя жизнь стала другой.

Об авторе:

Григорий Кубатьян — российский путешественник, фотограф и журналист. Закончил Санкт-Петербургскую государственную инженерно-экономическую академию. С 2002 года занимается журналистикой. Осенью 2022-го ушел добровольцем на фронт. Воевал в составе батальона «Ахмат», после ранения — военкор «Комсомольской правды». Автор книг «Жизнь в дороге», «В Индию на велосипеде», «Великий африканский крюк», «Осень добровольца».